

ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В РОССИИ И КНР

К. А. Галкин

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

Поступила в редакцию 16 июня 2022 г.

Аннотация: рассматриваются особенности социальных политик и программных документов в сфере активного долголетия в России и Китае. На основании анализа как самих документов, так и текстов статей делается вывод о различиях такой политики в исследуемых странах. Также отдельного внимания заслуживают изменения, которые происходят в период пандемии и создают сложности с развитием политики активного долголетия в указанных государствах. В статье дается обзор возможностей и ключевых компонентов социальной политики в указанных странах согласно ключевым документам в России и КНР.

Ключевые слова: социальная политика активного долголетия, КНР, Россия, пожилые люди, анализ документов.

Abstract: the article discusses the features of social policies and policy documents in the field of active longevity in Russia and China. Based on the analysis of both the documents themselves and the texts of the articles, it is concluded that there are differences in such policies in the countries studied. Also, special attention should be paid to the changes that occur during the pandemic and create difficulties with the development of active longevity policy in these states. The article provides an overview of the opportunities and key components of social policy in these countries according to key documents in Russia and China.

Key words: social policy of active ageing, China, Russia, elderly people, document analysis.

Старение населения в России и Китае создает сложности на пути социально-экономического развития обеих стран. Неоднородность и различные особенности демографического старения в России и Китае делают крайне важными исследования в рамках социальной политики, направленной на активное долголетие в России и Китае, причем немаловажным выступает сравнительный анализ российского и китайского опыта активного долголетия, который имеет довольно схожие черты по многим показателям, но при этом отличается идеологической направленностью и особенностями в рамках формирования государственных политик. Исследование особенностей активного долголетия становится важным и с точки зрения минимизации возможных рисков, которые возникают в рамках старения населения, возможным ключом в целом к улучшению демографической ситуации, снижению рисков и негативного влияния роста количества пожилых людей на национальные экономики стран.

Политика активного долголетия была впервые обозначена рядом программ инициатив и документов. Основным программным документом, закрепляющим идеи активного долголетия, выступает Мадридский

план, в рамках которого активное старение рассматривалось исходя из включения пожилых людей в трудовую активность, создания условий для улучшения здоровья пожилых людей и реализации планов относительно их физической активности, хобби и обучения, например, обучения компьютерной грамотности [1, р. 593; 2]. Безусловно, с момента появления и ввиду различных социально-экономических трансформаций Мадридский план претерпел ряд структурных изменений и стал документом, который закрепляет саму концепцию активного долголетия, при этом она находится в рамках постоянных трансформаций.

Методология и эмпирическая база

Говоря об особенностях старения, мы преимущественно рассматриваем то, как происходит процесс демографического старения и какие особенности существуют в рамках демографического старения населения в России и КНР. При этом мы понимаем меры социальной политики, как в целом и концепции активного долголетия в рассматриваемых странах, прежде всего как меры, которые способствуют минимизации эффекта от демографического старения в рассматриваемых странах. Таким образом, демографическое старение населения следует рассматривать как процесс планомерного перехода к переформати-

рованию возрастной структуры населения стран, в рамках которого важной идеей выступает идея о том, что особые демографические вызовы, которые обусловлены процессами старения, требуют реакции со стороны проектирования и установления политики активного долголетия, целями которой выступают интеграция пожилых людей в социальную жизнь, развитие политики относительно трудоустройства пожилых и их интеграции на рынки труда, а также нередко переобучение пожилых людей [3].

Следовательно, социальная политика в сфере активного долголетия в странах приобретает важную научную значимость: она безотрывно связана с научными идеями и концепциями, а также с идеями социальной политики в рамках развития и расширения сотрудничества государства с исследователями, с пониманием того, что демографическое старение – это во многом необратимый процесс [4, с. 93].

Активное долголетие. Проблемы и опыт КНР

Проблема демографического старения населения, как и развития концепции активного долголетия, особенно актуальна в КНР вследствие проводимой в стране политики ограничения рождаемости. Данная политика проводилась в КНР в течение нескольких десятилетий, и основой для проведения этих политических мер выступает рост рождаемости, прирост населения в Китае [5, с. 62]. В настоящее время прогнозируется, что к 2050 г. в КНР будет высокая доля пожилого населения старше 60 лет, высокая доля роста численности этой возрастной группы. Это, в свою очередь, приведет страну к дефициту рабочей силы и, безусловно, негативно отразится на развитии экономики и темпах роста экономики [6, с. 453].

Госсовет КНР прогнозирует, что к 2030 г. люди пожилого возраста составят четверть населения КНР. Среди основных негативных тенденций активного демографического старения населения страны отмечаются усиление давления на социальное страхование, создание нового спроса на общественные услуги со стороны работающих людей, активная интеграция пожилых сотрудников в рынки труда, сокращение налоговых поступлений со стороны занятых. Старение происходит довольно быстро, и очень часто рынок труда не успевает за демографическим старением; следовательно, пожилых работников с каждым годом становится все больше, что осложняет ситуацию на рынке занятости [7, с. 124].

Следует отметить, что китайское правительство уделяет большое внимание мерам по борьбе со старением на глобальном и национальном уровнях. Действительно, еще в 1982 г. центральное правительство делегировало специального представителя на первую Всемирную ассамблею по проблемам старения, а затем на вторую Ассамблею в 2002 г.

С 1990-х гг. было принято множество конкретных законодательных актов, учреждений и стратегий, касающихся старения. В период с 2011 по 2017 г. на национальном уровне было опубликовано более ста стратегий по проблемам старения, причем 17 из них были опубликованы только в 2017 г. [8, р. 15; 9, р. 4]. Активная реакция китайского правительства на старение населения в качестве национальной стратегии была подтверждена в 14-м пятилетнем плане. Однако термин «активность» в узком смысле понимался авторами социальной политики государства в сферах старения как увеличение социального обеспечения, в котором доминирует государство с помощью традиционных централизованных мер, регулирования государственной политики в сфере активного долголетия [10, р. 1]. При этом необходим критический взгляд и рассмотрение особенностей того, как на самом деле регулируется принятая в КНР политика активного долголетия и какие в ней существуют проблемы.

Китайское правительство занимает абсолютно доминирующее положение с точки зрения социального обеспечения, а сами пожилые люди рассматриваются как пассивные получатели социальных услуг. В контексте административной системы, характеризующейся вертикальным руководством, местные органы власти являются основными органами, ответственными за обеспечение социального обеспечения [11]. Они, как правило, обеспечивают социальную поддержку напрямую, создавая государственные учреждения или внутренние рынки под своим контролем.

Международная ассоциация социального обеспечения высоко оценила беспрецедентный прогресс Китая в расширении охвата социальным страхованием. Наряду с социальной пенсией и медицинским страхованием, охватывающими всех людей, был создан ряд других схем обеспечения доходов, таких как пособие по старости для пожилых людей в возрасте 80 лет и старше, компенсация доходов за расходы на услуги и субсидии на уход за престарелыми инвалидами, живущими в бедности. Долгосрочное страхование по срочному уходу (LTCI) было опробовано в 49 городах в 27 провинциях [12, р. 194; 13, р. 363].

В целом, хотя во многих макросоциальных стратегиях (отчеты Национального конгресса Коммунистической партии Китая, ежегодные отчеты о работе правительства, пятилетний план по делам пожилых людей и «Здоровье Китая – 2030») большое внимание уделяется социальному обслуживанию пожилых людей, в этом достигнут ограниченный прогресс. Основной проблемой выступает тот факт, что большинство из этих программных заявлений не были преобразованы в практические приложения, в то

время как небольшое число мер дало ограниченные результаты. Благосостояние пожилых людей существенно не улучшилось [14; 15, p. 28].

Социальная политика, поощряющая участие пожилых людей, ограничивается участием общин. Небольшая часть обсуждений в законе о защите прав и интересов пожилых людей и каждом пятилетнем плане по делам пожилых людей охватывает социальное участие, и они сосредоточены на волонтерской деятельности, общественных услугах и образовании. При этом роль пожилых людей сводится во многом к исключительно пассивному потреблению и пассивным участникам, интегрированным в социальную политику. Двумя стратегиями экономического участия являются «Действия серебряного века» (Silver Age Action) и «Взгляды на дальнейшее участие в труде технических профессионалов, вышедших на пенсию» (Views on Further Playing the Role of the Professional and Technical Retired Workers), но они политически ориентированы и охватывают небольшую часть пожилых людей в конкретных областях [16, p. 170]. Учитывая тот факт, что когорты, достигающие преклонного возраста, становятся все более образованными, квалифицированными и здоровыми, необходимы программы, ориентированные в целом на все пожилое население Китая, на ослабление централизованной государственной политики, снижение в целом роли государства, развитие в стороны местных инициатив относительно создания новых программ для людей пожилого возраста и их активного участия в социальной жизни, а также деинституционализацию имеющихся на сегодняшний день программ по активному долголетию в КНР.

В целом политику активного долголетия в КНР следует рассматривать, обозначая следующие пункты в рамках ее развития.

В «Пяти требованиях к здоровому и продуктивному старению» изложены цели развития Китая в области старения населения [17, p. 5; 18]. В нем подчеркивается важность того, чтобы пожилые люди использовали свои знания и опыт для участия в социальном развитии и вносили свой вклад в развитие своих семей и общества. При этом, как отмечено в документе, основными структурными пунктами выступают занятость, волонтерство пожилых людей, развитие здравоохранения и развитие обучения для пожилых [18].

Занятость пожилых людей является одним из важнейших компонентов в рамках повсеместной реализации и развития политики активного долголетия. Ситуация с занятостью пожилых людей в Китае характеризовалась двумя особенностями: более высоким уровнем занятости среди мужчин, чем среди женщин, и более высоким уровнем занятости среди молодежи по сравнению с пожилыми людьми.

Исследования показали, что, хотя треть пожилых людей, проживающих в городах, желают иметь работу, уровень занятости пожилых людей в городских районах имеет тенденцию к постоянному снижению. В основном на это влияет политика обязательного выхода на пенсию, которая принята и активно развивается в КНР [19, p. 174; 20, p. 104]. Учитывая давление на занятость в Китае и вклад, внесенный до сих пор пожилыми людьми, правительство и общество в целом могли бы активизировать усилия по предоставлению большего числа возможностей трудоустройства для пожилых граждан и политической поддержке их повторного трудоустройства, что еще больше укрепит потенциал пожилого населения. Однако на сегодняшний день меры подобной поддержки практически не развиваются в КНР.

Добровольческое и волонтерское участие

Участие в волонтерской деятельности может помочь пожилым людям достичь самореализации, поддерживать социальные связи, внести свой вклад в общество. В результате многие пожилые люди в городах активно участвуют в общественной благотворительной деятельности и оказывают обществу услуги в пределах своих возможностей.

Что касается видов волонтерской деятельности, то четверть пожилых людей сообщили об участии в добровольном труде, который занимает первое место среди всех видов волонтерской деятельности [21].

Также немаловажным выступает и само использование таких программ, которые в первую очередь ориентированы на то, чтобы участвовать в волонтерстве и развиваться в его рамках, исходя из организованной общественной деятельности [22]. Кроме того, это свидетельствует о важности организованной волонтерской деятельности для пожилых граждан Китая и развития централизованного волонтерства. В целом пожилые люди часто рассматриваются только как люди, нуждающиеся в уходе.

Обучение в старшем возрасте является одной из целей развития Китая в интересах стареющего населения и четким указанием, сделанным председателем Китая Цзян Цзэмином в 1999 г. Число общественных колледжей для пожилых людей, которые являются «лидерами» и «официальными организациями» образования для пожилых людей, увеличилось с 1980-х гг. [23, p. 28]. Между тем все больше и больше пожилых китайцев принимают участие в обучении в рамках специальных программ, которые организуют колледжи для пожилых людей. Также следует отметить, что подобная инициатива не нова, и здесь нельзя не упомянуть европейский опыт по созданию специальных образовательных программ для пожилых людей [24, p. 327]. Однако, в отличие от европейского опыта, китайская политика активного долго-

летия, связанная с созданием и развитием обучения для пожилых людей, представляет государственные инициативы и инициативы сверху, т. е. в данном случае следует отметить чрезмерную институционализированность китайской политики активного долголетия в рамках обучения и переобучения пожилых людей, как и в целом развития государственного контроля за переобучением пожилых людей, государственных систем обучения пожилых.

Активное долголетие. Проблемы и опыт России

Государственная политика и социальные программы по поддержке пожилых возрастных групп в России до недавнего времени были в основном направлены на решение проблем медицинского обслуживания и проблем, связанных с естественным старением населения России. В документе, который фиксирует ключевые особенности в развитии социальной политики в России, а именно в Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г., обозначено, что основной акцент относительно вводимых мер социальной политики и поддержки населения обусловлен тем, что необходимо увеличить ожидаемую продолжительность жизни в России до 75 лет к 2025 г. [25]. В тексте говорится о важности достижения ожидаемой продолжительности жизни и разработки мер, направленных на поддержание и развитие политики активного долголетия в России.

Среди мер, в рамках которых будет реализовываться социальная политика по увеличению ожидаемой продолжительности жизни, отмечается необходимость особого внимания к пожилым людям и создание в стране ухода за пожилыми людьми, который согласно документу в первую очередь будет отвечать за устойчивое развитие здравоохранения и лечение пожилых людей, а также создание различных служб, в том числе специализированной гериатрической службы, для того чтобы преодолеть трудности для пожилых людей и способствовать их лечению и оздоровлению [там же]. Также в рамках концепции отмечается необходимость расширения трудовой активности пожилых людей, их активного участия на рынке труда. Однако здесь возникают сложности именно с возможностью и желанием самих работодателей привлекать пожилых сотрудников для работы, создавать необходимые для них условия труда, связанные с получением специальных льгот и специальных возможностей. Появляющиеся в России исследования, посвященные особенностям активного долголетия в стране, преимущественно рассматривают развитие активного долголетия, как и специализированных программ, с использованием подхода, который ориентирован на понимание важности здоровья пожилых людей и развития направлений в

контексте диспансеризации и лечения пожилых, расширения возможностей для пожилых людей, которые в первую очередь связаны с лечением и сохранением имеющегося здоровья [26, с. 59; 27, с. 53].

Следующим направлением, которое характерно и для европейских концепций активного долголетия, выступает планомерная интеграция пожилых людей в трудовую сферу, а также их обучение, продолжение их занятости. Однако политика активного долголетия в сфере трудоустройства в России также преимущественно задана и создана институционально, и институциональные инициативы «сверху» в данной политике, как правило, не имеют каких-либо инструментов для поддержки местных и локальных инициатив, способов для поддержки и обеспечения устойчивого трудоустройства граждан пожилого возраста, стимулирования работодателей такими мерами, как налоговые каникулы или создание необходимых условий для трудоустройства пожилых людей [28, с. 157]. Как правило, нынешняя российская действительность характеризуется дискриминацией пожилых работников, и устройство пожилых на самые низкооплачиваемые должности, которые не способствуют росту удовлетворенности при работе, скорее, служат вынужденной занятостью, которая обусловлена необходимостью обеспечивать семью, чаще всего – семьи детей. Также следует отметить, что наиболее лояльными для пожилых людей выступают консервативные сферы занятости, такие как карьера в науке или государственном секторе, а также работа в медицине. Бизнес и частные компании наименее лояльны к пожилым людям и не воспринимают их должным образом, наоборот, они рассматривают пожилых работников как помеху, которая создает множество трудностей и проблем [29, с. 108].

Другим важным документом, закрепляющим концепции активного долголетия, выступает «Стратегия действий в интересах пожилых граждан в Российской Федерации». В данной стратегии пожилые люди рассматриваются как старшее поколение, при этом в тексте документа нет привычных рассуждений о слабости и трудностях со здоровьем пожилых людей [30; 31]. Биологический возраст, обозначенный определенными границами, рассматривается скорее как некая хронология, и при этом отсутствуют какие-либо показания, в том числе медицинские, для развития активностей пожилых людей, которые ранее были обозначены в рамках работы гериатрической службы в СССР и России. Основной идеей, которая зафиксирована в стратегии в интересах граждан старшего возраста, выступает активная интеграция пожилых людей в рынки труда и развитие устойчивой системы здравоохранения для пожилых людей [там же]. При этом наиболее важным структурным пунктом стратегии называется вовлечение пожилых

людей в трудовую деятельность, создание для пожилых людей позитивных условий для работы, а также необходимых основ для работодателей, которые привлекают пожилых людей.

Также согласно тексту документа важным направлением для развития активности пожилых людей выступают волонтерская и общественная деятельность, создание необходимых условий для пожилых при реализации программ волонтерской помощи и волонтерской деятельности, общественная деятельность и активное вовлечение пожилых людей в сферы принятия решений [там же].

За увеличение продолжительности жизни и здравоохранение пожилых, как и за развитие системы здравоохранения пожилых, отвечает федеральный проект «Старшее поколение», который интегрирован в национальный проект «Демография». Задачами проекта «Старшее поколение» являются реализация специальных мер поддержки пожилых людей; развитие специальных мер, которые ориентированы на поддержку пожилого населения в России [32]. Однако, как и для национального проекта «Демография» и «Стратегии в интересах граждан старшего возраста», сквозными проблемами для проектов выступают проблемы, связанные с институциональной перегруженностью и инициативами «сверху», при этом отсутствуют возможности для развития региональных инициатив, а также налицо ориентированность преимущественно на рост продолжительности жизни пожилых людей, который априори связан с тем, что основной упор и основная ориентированность социальной политики активного долголетия направлены на развитие системы диспансеризации [33]. Однако отсутствие подобной системы создает многие проблемы, которые в первую очередь связаны с тем, что в основном поддержание необходимого здоровья пожилых людей сводится к лечению хронических заболеваний, минимизации проблем со здоровьем для самих пожилых людей.

Таким образом, в исследовании проведен анализ особенностей, возможностей и барьеров в рамках социальных политик активного долголетия в КНР и России.

Анализ активного долголетия пожилых людей в Китае показывает высокий уровень участия в различных видах деятельности, включая трудоустройство, уход за детьми, волонтерство и образование. Пожилые люди играют важную роль в создании экономического богатства, обеспечении сохранности имущества своих детей, разделении обязанностей своих детей по дому и повышении образовательного уровня детей. Однако из-за социально-экономического уровня Китая активное старение в этой стране сталкивается с рядом проблем: относительно низкий уровень занятости пожилых людей в

городах, недостаточная институциональная защита пожилых добровольцев, отсутствие поддержки лиц, осуществляющих уход за пожилыми людьми, и низкий уровень участия пожилых в программах переобучения и развития, получения новых профессий. В то же время, поскольку население продолжает стареть, особенно из-за увеличения доли пожилых людей старшего возраста, численность пожилого населения будет расти и дальше, создавая ключевые проблемы, касающиеся экономической безопасности и здравоохранения для пожилых людей, а также увеличения спроса на уход за пожилыми людьми. То, как решать эти проблемы, имеет значительные политические последствия для реализации активного старения.

Также одной из немаловажных ограничительных сил для политики активного долголетия Китая выступают сложности с реализацией предложенных инициатив. Среди основных трудностей выступает проблема с возможностью развития гражданских инициатив и инициатив локального сообщества по реализации политики активного долголетия. Проведенный нами анализ показал достаточно обширные кластеры, на которые ориентирована государственная политика активного долголетия в Китае. Однако наиболее важным является то, что ключевыми кластерами выступают трудоустройство, обучение и переобучение пожилых людей, что совпадает и с программными документами европейских государств, ставящих своими целями при осуществлении политики активного долголетия именно ориентированность на трудоустройство пожилых людей, на интеграцию пожилых в рынки труда.

Российская политика активного долголетия преимущественно ориентирована на лечение пожилых и на поддержание их здоровья, на увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Программы по трудоустройству пожилых людей только начинают появляться в России и, следовательно, сталкиваются со множеством проблем, которые в первую очередь связаны с дискриминацией пожилых работников на рынках труда, а также с отсутствием какой-либо политики стимулирования пожилых работников в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Di Matteo C. Active ageing : conceptual developments, international experiences and recent policy strategies in Italy / C. Di Matteo, G. Lamura, A. Principi // Handbook of Active Ageing and Quality of Life. – Springer, Cham, 2021. – P. 593–607.
2. World Health Organization et al. Older persons in emergencies : an active ageing perspective. – Geneva : World Health Organization, 2008.

3. Чаусов Н. Ю. Оценка демографического старения для определения стратегических ориентиров и содержания программ активного долголетия / Н. Ю. Чаусов, С. Н. Гагарина, Т. А. Бурцева // Российский экономический интернет-журнал. – 2019. – № 2. – С. 95.
4. Барсуков В. Н. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста / В. Н. Барсуков, Е. А. Чекмарева // Проблемы развития территории. – 2017. – № 3 (89). – С. 92–108.
5. Курянова Ю. А. Новая демографическая политика в Китае : «Одна семья – два ребенка» / Ю. А. Курянова, А. И. Янишевская // Демографическое обозрение. – 2017. – Т. 4, № 2. – С. 53–64.
6. Цзян Ц. 70 лет образования для людей пожилого возраста в Китае : прогресс, достижения и перспективы / Ц. Цзян, И. А. Батуева, Я. Люй // Педагогический журнал. – 2019. – Т. 9, № 4–1. – С. 451–460.
7. Баженова Е. С. Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ / Е. С. Баженова // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 5. – С. 121–129.
8. Zaidi A. Building evidence for active ageing policies / A. Zaidi [et al.]. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 1–15.
9. Peng D. Productive ageing in China : development of concepts and policy practice / D. Peng, W. Fei // Ageing International. – 2013. – Vol. 38, № 1. – P. 4–14.
10. Zhu H. Why China needs an active social policy on ageing / H. Zhu, A. Walker // Asian Population Studies. – 2021. – P. 1–16.
11. Fang E. F. A research agenda for ageing in China in the 21st century : focusing on basic and translational research, long-term care, policy and social networks / E. F. Fang [et al.] // Ageing Research Reviews. – 2020. – Vol. 64. – P. 101174.
12. Li H. Economic efficiency and social insurance reforms in China / H. Li // Contemporary Economic Policy. – 2000. – Vol. 18, № 2. – С. 194–204.
13. Liu T. An apocalyptic vision of ageing in China / T. Liu, L. Sun // Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie. – 2015. – Vol. 48, № 4. – С. 354–364.
14. Чжао Б. Исследование путей интеграции спорта и медицины в целях реализации плана «Здоровый Китай» / Б. Чжао, В. Цзяо. – СПб. : Астерион, 2021. – С. 33–45.
15. Dickson B. J. The survival strategy of the Chinese Communist Party / B. J. Dickson // The Washington Quarterly. – 2016. – Vol. 39, № 4. – P. 27–44.
16. Eberhard S. Concessions in «The Silver Age» : Exhibiting Chinese Export Silverware in China / S. Eberhard // The Journal of Transcultural Studies. – 2019. – Vol. 10, № 2. – P. 126–170.
17. Peng D. Productive ageing in China : development of concepts and policy practice / D. Peng, W. Fei // Ageing International. – 2013. – Vol. 38, № 1. – P. 4–14.
18. CPC Central Committee (1983). Zhong gong zhong yang guan yu jian li lao gan bu tui xiu zhi du de jue ding (The decision of the CPC Central Committee on the establishment of retirement system). – URL: <http://www1.scuec.edu.cn/ltxc/view.php?kind=zcgd&id=112> (дата обращения: 30.03.2022).
19. Chen S. Aging with Chinese characteristics : A public policy perspective / S. Chen // Ageing International. – 2009. – Vol. 34, № 3. – P. 172–188.
20. Luo Y. Productive activities and cognitive decline among older adults in China : Evidence from the China Health and Retirement Longitudinal Study / Y. Luo, X. Pan, Z. Zhang // Social Science & Medicine. – 2019. – Vol. 229. – P. 96–105.
21. Fu C. Association between social activities and cognitive function among the elderly in China : a cross-sectional study / C. Fu, Z. Li, Z. Mao // International journal of environmental research and public health. – 2018. – Vol. 15, № 2. – P. 231.
22. He T. Social participation of the elderly in China : The roles of conventional media, digital access and social media engagement / T. He [et al.] // Telematics and Informatics. – 2020. – Vol. 48. – P. 101347.
23. Gao P. New characteristics of active life expectancy of the elderly in China / P. Gao, H. D. Li // Advances in Aging Research. – 2016. – Vol. 5, № 1. – P. 27–39.
24. Niederfranke A. Education for the elderly : new directions in a changing Europe / A. Niederfranke // International review of education. – 1992. – Vol. 38, № 4. – P. 327–341.
25. Концепция демографической политики Российской Федерации в период до 2025 года. – 2020. – URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 30.03.2022).
26. Доброхлеб В. Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России / В. Г. Доброхлеб // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 1. – С. 59–64.
27. Гончарук А. Р. Здравоохранение как важнейшее условие обеспечения активного долголетия / А. Р. Гончарук, Н. А. Кочаловская, Н. Ю. Чаусов // Актуальные проблемы активного долголетия и качества жизни пожилых людей. – 2019. – С. 50–55.
28. Галкин К. А. Трудоустройство пожилых людей и политика активного старения в Европе и России / К. А. Галкин // Социологические исследования. – 2021. – Т. 11, № 11. – С. 156–160.
29. Сизова И. Л. Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России / И. Л. Сизова, Н. С. Орлова // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2021. – № 1. – С. 107–119.
30. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р.
31. О плане мероприятий на 2016–2020 годы по реализации первого этапа Стратегии действий в инте-

ресах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2016 г. № 2539-р.

32. Национальный проект «Демография». Паспорт. – URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 30.03.2022).

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Галкин К. А., кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: Kgalkin1989@mail.ru

33. Григорьева И. А. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения / И. А. Григорьева, Ю. В. Уханова, Е. О. Смолева // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 5. – С. 124–140.

Sociological Institute of Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Galkin K. A., Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

E-mail: Kgalkin1989@mail.ru